

Первая встреча

В СЕГДА необычна, полна волнующего ожидания встреча с театром, который видишь впервые. Какой он? Как звучат его спектакли? С какой силой и тонкостью его актеры и режиссеры раскроют перед нами человеческие судьбы, приобщат нас к новому миру мыслей, чувств, жизненных красок?

И вот мы смотрим спектакль «Оптимистическая трагедия» Астраханского драматического театра имени С. М. Кирова, выступающего в Москве. Театр сказал свое скромное, простое, полное слово, открыв в немеркнувшей пьесе Вс. Вишневского новые грани. Он своеобразно выявляет патетику этого драматургического произведения: романтический накал пьесы рождается из бурного течения жизни.

И лучше всего это видно в образе комиссара, воплощенного актрисой А. Келлер. Она дышит, живет, вдохновлена целью, которую перед ней поставила партия, — другой жизни у нее нет в эти грозные, боевые дни. И каждый день приносит новые и новые испытания, неожиданности, тревоги, и часто нет готовых решений, их приходится искать то долго, то с молниеносной быстротой. Актриса и режиссер спектакля М. Ваховский стремятся сделать зримым самый процесс этих поисков, весь размах борьбы в труднейших условиях, стремятся уловить движение мысли. Безмерная преданность партии, революционная страстность, подобно могучему факелу, освещают путь комиссару, придают ему силы.

Театр понял, что романтика образа комиссара обязательно предполагает биение горячего, неустанного, трепетного сердца, открытого людям.

А рядом — звериная, античеловеческая, антинародная сущность Вожака и Сиплого. Низенький, хромающий, с отвратительно скрипучим голосом, Сиплый в исполнении

заслуженного артиста РСФСР А. Теплова сразу же производит отталкивающее впечатление. Но в первых сценах зрители еще не догадываются, какое большое зло несет этот человек. Артист постепенно накапливает «взрывчатый материал», шаг за шагом раскрывает опустошенность и мрачную озлобленность Сиплого — человеконенавистника.

Иначе сложилась в спектакле сценическая судьба образа Вожака. Заслуженный артист РСФСР Л. Риттер и режиссура совершенно справедливо подчеркнули трусость этого носителя черной, жестокой силы,

СПЕКТАКЛИ АСТРАХАНСКОГО ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕАТРА

Но, увы, самой властности Вожака, уродливой, страшной, бессмысленной, зрители так и не воспринимают, и поэтому не совсем понятно, каким образом этот опытный анархистствующий демагог одно время подчинил своей воле отряд.

Много хорошего, правдивого в игре Н. Вакурова, который увидел в образе Алексея не просто правдоискателя, а человека, с каким-то ожесточением ищущего своего места в жизненной борьбе. Артист не пожалел красок, чтобы передать браваду и налет цинизма в поведении Алексея, но мы хорошо видим, что все это наносное — на самом деле у него честная, хорошая, жаждущая большой правды матросская душа. И надо только пожелать, чтобы игра Н. Вакурова всюду была внутренне наполненной, чтобы он избежал психологических пробелов, спокойно-нейтральных актерских мест, как, например, в сцене плена.

КОГДА смотришь другой спектакль Астраханского театра — «Веселка» («Радуга»), и здесь чувствуется «хорошая хватка» театра, не только знающего, что он хочет сказать зрителю той или иной сценой, но и умеющего художественно точно, отбросив все лишнее, случайное, претворить свою мысль.

Пьеса «Радуга» украинского драматурга Микола Зарудного написана горячо, умно, без назидательности, но с крепким прицелом. Это пьеса о подлинном призвании советского человека, о его счастье,

которое возможно только на широком жизненном пути (а не в узеньком, затхлом мещанском тупичке).

Именно этого не понимает бывший председатель колхоза Кряже, который, обидевшись, что колхозники не переизбрали его и тем самым выразили неудовлетворение его работой, решил уйти от труда, замкнуться в «частной жизни». Но он не в силах изменить себе, своей натуре и продолжает интересоваться повседневными делами колхоза, радуется его успехам, огорчается его неудачами и в конце концов, ощутив помощь своих друзей, детей, возвращается на просторы большой жизни, к людям.

В спектакле немало актерских удач. Речь идет прежде всего о необыкновенно светлой, жизнерадостной, дивной Наташе (арт. К. Абащина), которая утверждает в спектакле не вообще молодость, а сме-

лость, душевную стойкость, моральную чистоту советского человека; и о безмолвной, таящей в себе еще не изведанные силы Ольге, попавшей в неволю к мужу-ничтожеству, злобному мещанину, и сумевшей вырваться на свободу (арт. А. Келлер).

Особо следует сказать о Петре Косяке, с виду тихом, незаметном человеке, который на самом деле жесток и подл, отличается мелочностью, бессердечием, ненавидит все живое и любит только себя. Все в исполнении артиста А. Брусина — и медлительная походка, и слащавая улыбка, почти никогда не сползающая с лица, и эта постоянная ласковость, вызывающая отвращение, и умение одним словом, как бы мимоходом, нехотя ранить человека, — продуманно, органично, хорошо служит главной цели — сорвать маску с этого отвратительного человека.

И, наконец, о самом Кряже. Л. Риттер рисует его крепкими, точными мазками, показывая как честного, кряжистого человека, заблуждающегося, вспыльчивого, самодовольного, с «диктаторскими» замашками. Но справедливости ради необходимо подчеркнуть, что игра артиста неровна: порой исчезают внутренняя линия, подтекст роли.

Судя даже только по этим двум спектаклям, можно сказать, что наши гости-астраханцы — крепкий театральный коллектив, и именно поэтому с них можно много спрашивать, надеясь, что они добьются большей завершенности в актерском и режиссерском творчестве.

С. Мельников.

НА СНИМКЕ: сцена из спектакля «Оптимистическая трагедия». Фото О. СОЛИСТОЙ.